

НИКОЛАЙ МЕДУШЕВСКИЙ

**Размышления
о политике памяти**

Николай Андреевич Медушевский

Размышления о политике памяти. Сборник работ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42349843

ISBN 9785449667267

Аннотация

Монография «Размышления о политике памяти» объединила шесть авторских работ, посвященных проблематике исторической памяти и ее политической интерпретации. Автор обращает внимание читателя на общность принципов современной исторической политики в разных регионах мира и отмечает новый современный тренд данной политической дискуссии, которая развивается в русле политического плюрализма в рамках многосоставных обществ.

Содержание

Введение	5
Политика памяти в Европейском союзе как инструмент реализации интеграционного процесса	9
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Размышления о политике памяти Сборник работ

**Николай Андреевич
Медушевский**

Рецензенты:

Канд. ист. наук, доц. Гордеева М.А

Канд. ист. наук, доц. Азерникова И. П.

Печатается по представлению кафедры культуры мира и демократии ЮНЕСКО ФИПП РГГУ

© Николай Андреевич Медушевский, 2019

ISBN 978-5-4496-6726-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Данная книга включает шесть работ автора, посвященных проблематике исторической памяти и написанных в 2018—2019 гг. Все представленные работы объединены общим подходом, в соответствии с которым политика памяти для современных развитых и развивающихся стран является ключевым ресурсом реализации мягкой силы, а в ряде случаев, и для применения более жесткого, формирующего политического воздействия. Во многом, такой высокий статус политики памяти формируется современным мировым порядком, основанном на глобализационных тенденциях, но в то же время неразрывно связанным с попытками установления систем локального доминирования, а также таким явлением как локализация, выраженная в этноцентризме.

В условиях, когда глобальные тенденции вступают в борьбу с региональными и локальными тенденциями, но все это происходит явно на международной арене, политика памяти становится орудием, инструментом, который применяется всеми сторонами для доказательства своей исторической правоты. Данный процесс не имеет границ, берет свое начало в истоках развития человеческой цивилизации и, вероятно, будет продолжаться бесконечно. Тем не менее можно сделать предположение, в соответствии с которым, фактором развития политики памяти становится развитие ком-

муникативного пространства, формирующего охват целевой аудитории.

В таких условиях неслучайно, что политика памяти вышла на повестку дискуссии в конце XX века и стала фактором разобщения в рамках современного политико-социального процесса. Такие формы массовой коммуникации, как телевидение, интернет, социальные сети и др. сделали вопрос исторической памяти достоянием широкой общественности, которая, в свою очередь, как и раньше, подвергается манипулированию со стороны государства и крупных общественных и политических организаций.

Все эти факторы вступают в конфликт с идеями региональной и глобальной интеграции, и часто бросают вызов существованию достаточно стабильных политических систем конфедеративного и даже федеративного типа.

Подобные сложности требуют от региональных игроков принятия определенных мер, способствующих консолидации общества, в том числе на уровне менталитета, – на уровне восприятия исторического прошлого.

Основные меры подобного воздействия реализуются на уровне развития системы образования и социальной политики. Фактически, единая образовательная модель должна продемонстрировать общность исторического прошлого, в то время как общность социальной политики должна показать равенство современных возможностей для каждого члена общества независимо от его этно-региональной принад-

лежности.

Тем не менее данный подход постоянно сталкивается с противодействием различных этно-социальных и национальных групп. Проблема их интеграции в рамках единой государственной или конфедеративной системы лежит в русле их этноцентризма и связана с наличием у них собственной исторической памяти, которая, в отдельных случаях оказывается сильнее, нежели единая общая новая историческая память. В данной связи возникает понимание двух возможных путей решения данной проблемы. Первый из них связан с подавлением и игнорированием исторической памяти в надежде на то, что общество-носитель рано или поздно ассимилируется и интегрируется в систему общего порядка. Этот путь является классическим, но не соответствует современным правовым реалиям, связанным с идеями демократии и плюрализма, и как следствие, практически не применяется.

Второй путь – это путь диалога, основанный на инклюзии отдельных обществ в единую историко-культурную систему. Этот путь гораздо более востребован, однако его реализация требует очень гибкой и выдержанной политики, реализация которой крайне сложна и изменчива.

Фактически все статьи, вошедшие в данную публикацию, в той или иной степени отражают обозначенные вопросы, иллюстрируя их практиками Европы и России.

Книга отражает авторскую позицию и демонстрирует

определенный поиск неких универсальных рецептов реализации политики памяти в современном мире.

Книга может представлять научный интерес, так как содержит большое количество информации из иностранных источников и литературы, не переведившихся на русский язык. Также материалы публикации могут быть включены в образовательные университетские курсы по политологии, конфликтологии, социологии и другим дисциплинам.

Медушевский Н. А.

Политика памяти в Европейском союзе как инструмент реализации интеграционного процесса

Memory policy in the European Union as an integration process implementation tool.

Аннотация

Сегодня можно с полной уверенностью утверждать, что концепция политики памяти является одним из ключевых элементов современного европейского политического дискурса. Во многом данная политика может рассматриваться как продолжение более комплексной политики мягкой силы, и даже как элемент «гибридной войны», активно обсуждаемой в западных СМИ. При всем многообразии возможных значений политики памяти, ее основной функцией все же выступает интеграция европейского общества с целью создания единого общеевропейского представления о прошлом. Предполагается, что реализация определенной политики по привлечению внимания европейцев к конкретным историческим событиям повлияет на их картину мира и бу-

дет способствовать росту их европейской самоидентификации, уровень которой на данный момент крайне низок.

Являясь направлением политики, деятельность по формированию «обновленной исторической реальности» получила в Европейском союзе институционализацию в виде специализированных программ и была концептуализирована. В основу политики памяти оказались заложены преимущественно исторические события XX и XXI вв., которые позитивно или негативно повлияли на развитие европейского интеграционного процесса. Тем не менее, обозначение в рамках политики памяти конкретных событий породило большое количество прений, связанных с их набором и с уровнем категоричности их оценивания. Особенно сильно на европейской политике памяти отразилось включение в состав ЕС государств Восточной Европы, которые став членами Европейского союза заявили о необходимости изменения официальной политики памяти в пользу включения в нее событий послевоенной истории стран, находившихся к востоку от «Железного занавеса».

Несмотря на изменения в общеевропейской политике памяти, произошедшие после интеграции Восточноевропейских государств, фактически историческая память европейцев продолжает оставаться расколотой и плохо подвергается моделированию. Во многом это обусловлено особенностями национальных практик по реализации политики памяти, которые реализуются не для достижения общеевропей-

ских целей, а для манипулирования собственным электоратом. В условиях такого раскола, можно констатировать, что изучение технологий формирования политики памяти для Европейского союза и граничащих с ним государств, становится как никогда актуальным.

Ключевые слова: политика памяти, идентичность, интеграция, европейские ценности, Холокост, сталинизм, нацизм, синтетическая история.

Введение

Двигаясь по пути интеграции, Европейский союз активно работает над созданием единого европейского пространства, существующего как в реальном, так и в виртуальном измерениях. Реальное измерение вполне очевидно. Оно включает территорию ЕС, на которой постепенно преодолеваются границы, таможенные барьеры и национальные экономические особенности. Также реальное измерение связано с развитием политических и экономических институтов, практик безопасности, социальной инфраструктуры и т. д. Тем не менее, все перечисленные характеристики, хотя они и реальны, носят вторичный характер по сравнению с принципом самоидентификации граждан Европы. Статистика по-

казывает, что большинство европейцев идентифицируют себя, прежде всего, по национальному признаку, а европейская идентичность, если и присутствует, то является в большинстве случаев вторичной и слабо актуализирована. Так например, в Германии 28% респондентов заявили, что обладают исключительно национальной идентичностью, а 58% отметили преобладание национальной идентичности по сравнению с европейской. Количество граждан ЕС, заявляющих, что основной идентичностью у них является европейская, по всем странам ЕС, за исключением Испании и Лихтенштейна не превышает 2%¹.

Такая ситуация во многом закономерна, так как Европейский союз состоит из большого количества государств, со своим языком, культурой, традициями, религией. Более того, многие государства, сегодня объединенные границами ЕС, ранее конфликтовали друг с другом и воспоминания об этих конфликтах до сих пор хранятся в общественном сознании. В таких условиях актуализируется необходимость работы с населением Европы в вопросах формирования универсального европейского менталитета, который, безусловно, будет синтетическим, но в тоже время станет олицетворением определенных универсальных принципов.

Говоря об универсальности, вряд ли стоит ожидать, что

¹ European citizenship. Report. Standard Eurobarometer 83 Spring 2015. Доступ: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb83/eb83_citizen_en.pdf

европейцы захотят отказаться от своих традиций, языка или религии в пользу какого-то усредненного решения. Тем не менее, существует действенный механизм моделирования общественного сознания, связанный с восприятием общих ценностей через призму уже произошедших событий и перспективных целей.

За годы своего существования Европейский союз сформулировал и институционализировал широкую совокупность таких ценностей, в числе которых права человека, свобода, равенство, толерантность, недискриминация и др. Данные ценности закреплены в Лиссабонском договоре и других ключевых актах союза. Более того, данные ценности присутствуют и во всех без исключения конституциях стран ЕС, так как, согласно Лиссабонскому договору², только демократическое государство, разделяющее общие для Союза ценности, может стать страной-членом Европейского союза.

Таким образом, общность ценностей объединяет европейские государства. В то же время актуальным является восприятие данных ценностей обществом, которое, в большинстве случаев, ассоциирует их с исторической практикой, в том числе с событиями, негативно отразившимися на соблюдении прав человека, свободе личности и других ценностях.

Здесь наиболее показателен пример Второй мировой вой-

² The Lisbon Treaty. Доступ: <http://www.lisbon-treaty.org/wcm/the-lisbon-treaty.html>

ны, которая произошла в Европе, в которой были виноваты страны Европы, и которая негативно повлияла на жизнь европейцев на достаточно долгий временной период. Вторая мировая война является наиболее харизматичным, но не единственным примером. В качестве более современных примеров можно назвать раздел Кипра в 1974 году и войну в Югославии 1991 – 2001 гг.

Все перечисленные конфликты повлияли на формирование политического дизайна Европы и европейских государств и получили неоднозначную трактовку в лице общественного мнения, которая, во многом, сформировало барьеры между отдельными государствами и целыми регионами.

Преодоление таких барьеров – это задача сегодняшнего дня, так как без четкой расстановки акцентов и однозначной трактовки истории невозможно реализовать по настоящему фундаментальный интеграционный процесс, т.к. неизбежной окажется апелляция отдельных государств к отдаленным историческим событиям, указывающим на «укоренившуюся несправедливость» и необходимость «альтернативного подхода» к решению прикладных текущих задач.

Показательно, что уже с момента начала своего формирования Европейский союз проводит политику примирения и в качестве отправной точки рассматривает победу во Второй мировой войне и 9 мая, как дату, символизирующую объединение европейских государств, т.к. 9 мая 1950 го-

да основателями ЕС было предложено его создание. Можно констатировать, что примерно в этот же временной период начинает постепенно формироваться и европейская политика памяти, которая, наряду с памятью о Второй мировой войне включает, к примеру, память о Холокосте и ряде других событий.

Многообразие элементов политики памяти требует ее идентификации. Политику памяти можно определить как организацию или моделирование коллективной памяти политическими агентами на локальном, национальном или наднациональном уровне. Кроме того, политика памяти предполагает использование политических технологий, которые позволяют акцентировать внимание общественности на одних исторических событиях и замалчивать другие. Политика памяти реализуется применительно к определенному реальному историческому контексту, который имеет отражение (понятен) в общественном восприятии прошлого, в целях сплочения населения вокруг образов прошлого, имеющих символическое позитивное или негативное значение.

Во многом политика памяти сопряжена с феноменом выборочной или избирательной памяти. По данным американской исследовательницы памяти Элизабет Лофтус³, человеческие воспоминания постоянно трансформируются под воздействием нового опыта, вплоть до полного изменения

³ Collins A.M., Loftus E.F. 1975. A spreading-activation theory of semantic processing. – *Psychological review*. №82 (6). 407—428 pp.

воспоминания о чем либо. Отдельные исследователи памяти задавались вопросом, сохраняется ли в сознании человека первичное воспоминание параллельно с его трансформирующимся аналогом. С их точки зрения данные две формы воспоминания могли бы вести «борьбу за истинность» в случае желания человека что-либо вспомнить. Однако различные социальные опыты, проведенные, в том числе Э. Лофтус, продемонстрировали, что первичные воспоминания не сохраняются, так как подсознание корректирует воспоминания в соответствии с ожиданиями «опрашивающего» посредством «прирастания» деталей и подробностей.

Особенно подвержена такому влиянию память детей, так как в раннем возрасте недостаточно сильно развиты лобные доли человека, а именно они отвечают за хранение исходной памяти о событии. В следствие этого у детей особенно легко формируются ложные воспоминания, часто навязанные им со стороны взрослых, выступающих для них авторитетом. Другой уязвимой группой выступают пожилые люди, у которых память ослаблена в силу возраста⁴.

После исследования подобных механизмов трансформации памяти, на эмпирическом опыте Э. Лотфус вывела так называемую «парадигму эффекта дезинформации, суть которой как раз и сводилась к возможности манипулирования воспоминаниями через предоставление человеку лож-

⁴ The Elderly Eyewitness in Court. Misinformation effects in older versus younger adults. 2014. Edit.: M. P. Toglia, D. F. Ross, J. Pozzulo. – Psychology Press. P.38—66

ных данных. В 1990-ые годы данное исследовательское направление даже обратилось к вопросу о том, могут ли воспоминания быть в принципе вымышленными. В итоге было констатировано, что примерно треть респондентов подвержена подобному типу внушения и готово принять вымышленную ситуацию в качестве реальной, происходившей с ними в прошлом^{5,6}.

Несмотря на то, что в приведенных исследованиях речь преимущественно шла об индивидуальных воспоминаниях, в условиях формирования общественного сознания можно говорить о том, что перечисленные эффекты имеют место и на групповом уровне, с той лишь разницей, что для достижения данных эффектов требуется гораздо более интенсивное воздействие, реализуемое через СМИ, систему образования и другие институты. В частности, образовательной политике в аспекте формирования исторической памяти, в ЕС уделяется особое место, так как предполагается, что именно через правильную расстановку акцентов в учебном процессе можно добиться создания у молодых европейцев новой исторической базы знаний^{7,8}. Кроме того, дополнительный эф-

⁵ Laney C. Takarangi M. K. T. 2013. False memories for aggressive acts. – *Acta Psychol (Amst)*, vol. 143, №2, P. 227—34.

⁶ Loftus E.F. 1999. Lost in the mall: Misrepresentations and misunderstandings. – *Ethics & Behavior*. №9 (1). P. 51—60.

⁷ Sharing European Memories at School. Progress Report. Public Part. EACEA. 23.12.2011. Доступ: http://eacea.ec.europa.eu/llp/project_reports/documents/comenius/multilateral/2010/com_mp_510410_sem@s.pdf

эффект может быть обеспечен через различные стрессовые события, в числе которых наиболее значимым событием является война. Так, участие в военных действиях или наблюдение за ними, во многих случаях приводит к эффекту выборочной памяти, когда, к примеру, человек концентрируется на актах агрессии врага, но не рефлексировать по поводу аналогичного поведения своих сторонников.

Несмотря на то, что политика памяти нацелена на формирование, в определенном смысле, синтетической истории, в которой внимание акцентируется только на «нужных» моментах, ее политическое и интеграционное значение крайне велико, так как через политику памяти формируется новое мировоззрение, в рамках которого его сторонники представляют как единое целое. Как следствие, политика памяти становится востребованным и популярным инструментом практически во всех обществах, стремящихся к консолидации, но ее использование во многих случаях противопоставляет общество, в котором она реализуется, обществам других государств, где доминирует альтернативное представление об истории.

Здесь следует отметить, что Европейский союз не является исключением из данной практики, так как тоже стремится к консолидации через моделирование исторического

⁸ Developing Competence-Oriented Teaching on Historical Memories. Progress Report. Public Part. EACEA. 28.03.2011. Доступ: http://eacea.ec.europa.eu/llp/project_reports/documents/comenius/multilateral/2009/com_mp_504689_teachmem.pdf

прошлого. Однако, пример ЕС достаточно специфичен, так как Союз включает большое количество государств, исторически относившихся к разным регионам, на которых реализовывались различные противоречивые практики исторического генезиса. В данном случае можно говорить о Западной, Центральной, Восточной Европе, Балканах, Прибалтике, а также о соседних с Европой центрах силы, исторически оказывавших определяющие влияние. В их числе следует отметить Россию и Турцию.

Объединяясь постепенно, Европейский союз фактически оказался вынужден постоянно трансформировать свое «официальное представление» об исторической памяти, которая изначально была связана со странами-основательницами ЕС, затем была расширена на Германию, Испанию, Португалию и Грецию, характеризовавшихся авторитарным и тоталитарным историческим прошлым. Последующий этап расширения и вовсе оказался связан с присоединением бывших социалистических республик, характеризовавшихся явным отрицанием своего исторического прошлого и желанием приравнять коммунистический режим к нацизму, т.е. фактически кардинально трансформировать уже сложившееся у старых стран Европы представление об исторической памяти в пользу ее расширения.

Конечно, сразу после вступления в ЕС новым странам-членам пришлось пойти по пути адаптации к существующим политикам памяти ЕС в качестве неявной уступки су-

шествующему порядку. С другой стороны, политики и интеллектуалы в присоединяющихся государствах требовали разработки политики, которая учитывала бы особые исторические чаяния государств Центральной и Восточной Европы, связанные с опытом борьбы с тоталитарными коммунистическими режимами. Претензии на признание этих воспоминаний возникли на разных европейских институциональных и неинституциональных площадках и фактически сохраняются до сих пор. Более того, в условиях нарастания конфронтации между ЕС и Россией, голоса сторонников пересмотра европейской политики памяти становятся все более слышны, а в самой политике памяти происходят постепенные изменения.

Несмотря на актуальность происходящих сегодня в европейской политике памяти изменений, разбор данного феномена стоит начать с более раннего периода, который мы датируем 2012—2013 гг. Причина постановки такой отправной точки связана с тем, что к этому моменту Европейский союз уже сформировался в его текущем варианте и была пройдена последняя волна интеграции, однако дезинтеграционные тенденции еще не получили своего развития. Фактически, в 2013 году еще не начался миграционный кризис, Великобритания не заявила о своем выходе из ЕС, а Ангела Меркель не произнесла свою знаменательную речь о «Европе двух скоростей».

Также характерно, что в 2013 году вопрос политики па-

мнати виходить на політичну повестку Євросоюзу, так як саме тоді Комітет Європейського парламенту по культурі і освіті створює запит на створення аналітичної записки по темі «Європейська історична пам'ять: політика, проблеми і перспективи»⁹. Хоча даний документ не є офіційним, він, тим не менше, відображає ключові ідеї, що характеризували європейську політику пам'яті в даний історичний період і є свідченням дискурсу того періоду. Дана аналітична записка орієнтована на перспективне розвиток політики пам'яті і констатує необхідність непередвзятої оцінки історичного минулого, інтерпретації історичних подій через призму пан-європейських цінностей і включення ключових історичних подій Європи в освітні програми всіх країн-членів.

Автори записки безпосередньо вказують на те, що політика пам'яті не обов'язково повинна відображати 'historical realities', but instead incorporates a distinct degree of subjectivity, given that the «історичні реалії» і включає в себе певну ступінь суб'єктивності, заснованої на оціночних судженнях. В даній зв'язі, очевидно, існують ризики фальсифікації історії в угоду кон'юнктурним інтересам. Ймовірно, єдиним можливим обмежувачем подіб-

⁹ Prutsch M.J. European historical memory: policies, challenges and perspectives. Note. Доступ: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2013/513977/IPOL-CULT_NT\(2013\)513977_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2013/513977/IPOL-CULT_NT(2013)513977_EN.pdf)

ной фальсификации могут служить свобода слова и активная деятельность гражданского общества, и то лишь при условии неангажированности последнего. В качестве показательного примера здесь можно упомянуть статус Холокоста в официальной европейской исторической картине. Холокост официально признан всеми европейскими государствами событием, которое нельзя отрицать и в котором нельзя сомневаться. Основанием для этого послужили решения Генеральной Ассамблеи ООН – Резолюция №60/7 от 21 ноября 2005 г. (отвергает любое полное или частичное отрицание Холокоста как исторического события) и Резолюция №61/255 «Отрицание Холокоста» от 26 января 2007 г. (осуждает отрицание Холокоста как исторического факта). Как следствие, любые попытки переоценки или интерпретации событий прошлого, связанные с Холокостом, вызывают резкую критику, чреватые уголовным преследованием¹⁰ и не могут служить предметом обсуждения в образовательной среде или структурах гражданского общества¹¹. Тем не менее, в Европейском союзе периодически возника-

¹⁰ Капинус О. С., Додонов В. Н. 2007. Ответственность за разжигание расовой, национальной и религиозной вражды, а также за другие «преступления ненависти» по уголовному праву зарубежных стран. – Законы России: опыт, анализ, практика. №8. С. 76—85.

¹¹ European Parliament resolution on remembrance of the Holocaust, anti-Semitism and racism, 27. 01. 2005. Official Journal of the European Union, C 253 E, 13.10.2005, pp. 37—39. Доступ: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2005:253E:0037:0039; EN: PDF>

ют ситуации, бросающие вызов даже этому фундаментальному правилу¹², что свидетельствует, на наш взгляд, о неустойчивости общеевропейской исторической политики памяти.

Тем не менее, создание общеевропейской политики памяти неизбежно, так как без формирования единого представления о прошлом невозможно стремиться к общему будущему. В данной связи европейские аналитики констатируют необходимость комбинации трех уровней истории, а именно индивидуального, национального и наднационального, в целях их интеграции, отмечая при этом, что данные уровни, с большой долей вероятности, окажутся противоречивы и требуют «корректировки».

Корректировка и универсализация исторической памяти не могут и не должны быть оторваны от реально существующих представлений людей, то есть речь не идет о формировании «ложных воспоминаний». Европейскими аналитиками скорее предлагается работа с исходными данными, с опорой на национальную историческую память, которая не является представлением о национальной истории в принципе, а представляет собой набор знаковых событий, ориентация на которые упрощает общее восприятие исторического процесса в определенном регионе и, фактически создает конкретный продукт, который может продаваться, реклами-

¹² Wyciekły rządowe instrukcje. Co ministrowie mają mówić o Holokauście? Wprost. 12.01.2018. Доступ: <https://www.wprost.pl/polityka/10103825/wyciekly-rzadowe-instrukcje-co-ministrowie-maja-mowic-o-holokauscie.html>

роваться, популяризироваться, и при этом соотносим с другими аналогичными продуктами, произведенными в других регионах Европейского союза.in this regard:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.